УДК 82–4
DOI 10.17223/19986645/24/11

П.П. Каминский

ФИЛОСОФИЯ ПРИРОДЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ СЕРГЕЯ ЗАЛЫГИНА 1960–1990-х гг.

На материале публицистики реконструируется система представлений С.П. Залыгина о природе в ее становлении от начала 1960-х до второй половины 1990-х: используя понятийный аппарат науки, С.П. Залыгин создает теоретическую картину, которая включает в себя представления о структуре и отношениях в природном космосе, разумности и познаваемости устройства бытия, соотношении детерминизма и казуальности природных процессов, фундаментальных законах природы, отношениях природы и человека. В ходе анализа устанавливается, что трансформация натурфилософии писателя идет от позитивистского и материалистического понимания природы – к ее объективно-идеалистической трактовке.

Ключевые слова: Сергей Залыгин, публицистика, философия природы, онтология.

Представления С. Залыгина о природе складываются еще в 1950-е гг.¹ [1], но как целостная система оформляются с начала 1960-х гг. («Писатель и Сибирь», 1961). Осмысление природы в публицистике опережает художественное творчество писателя или идет синхронно с ним («Тропы Алтая», 1962). В дальнейшем натурфилософская концепция развивается и достраивается, во-первых, в социально-аналитических статьях, посвященных проблемам природопользования (отношения природы и социума)²; во-вторых, в теоретико-эстетических статьях и эссе (природа как предмет литературы)³.

Характер осмысления природы у С. Залыгина во многом обусловлен профессиональной деятельностью. Как специалист-гидролог он опирается на понятия современного естествознания, апеллирует к воззрениям крупнейших русских ученых, работавших в сфере его научных интересов, – В.В. Докучаева⁴, А.И. Воейкова⁵, В.И. Вернадского⁶. Представления выражены преимущественно на уровне отвлеченных теоретических обобщений.

¹ «Весной нынешнего года», «Насущные нужды Барабы» (1954), «Пробуждение великана» (1959).

² «Леса, земли, воды» (1962), «Леса, земли, воды и ведомство», «Дело народное, а не ведомственное!» (1963), «Вода и земля Земли» (1968), «Вода подвижная, вода неподвижная» (1984), «Водное хозяйство без стоимости... воды?», «Проект: научная обоснованность и ответственность» (1985), «И не только о цене», «Точка зрения», «Время больших забот» (1986), «Поворот. Уроки одной дискуссии», «А что же дальше? Кому нужен и кому не нужен поворот?», «Разумный союз с природой» (1987), «Экология и культура», «Откровения от нашего имени» (1992), «“Экологический консерватизм”: шанс на выживании» (1994) и т.д.

³ «Интервью у самого себя» (1969), «НТР и литература. Размышления и догадки» (1973), «Литература и природа» (1980), «Интеллект и литература» (1986), «Литература и природа» (1991) и т.д.

⁴ Докучаев Василий Васильевич (1846–1903), геолог и почвовед, основатель русской школы почвоведения и географии почв.

⁵ Воейков Александр Иванович (1842–1916), метеоролог и климатолог, создатель сельскохозяйственной метеорологии.

⁶ Вернадский Владимир Иванович (1863–1945), создатель биогеохимии, представитель русского космизма. Ученик В.В. Докучаева.

Ключевая категория, лежащая в основе натурфилософской системы С. Залыгина, – «земля». Писатель исходит из ее многозначности: «Множество вещей и понятий, в том числе очень существенных, очень древних и устойчивых, можно выразить через это слово – земля» [2. С. 284]. Среди всех значений выделяются два основных: «почва» и «имя планеты». Писатель акцентирует их взаимосвязь, указывая на то, что именно наличие почвы отличает Землю от всех других планет и что в языках разных народов мира, в силу общего для человеческой цивилизации земледельческого прошлого, «...Земле, как планете, присвоено имя земли как суши, как почвы» [2. С. 284].

В представлении С. Залыгина, почва – особая сфера (оболочка) планеты, основа существования всего живого (органического), в том числе человеческого: «Тончайший слой земли облекает даже не всю сушу, а только – часть ее, составляет ничтожные доли процента от веса и объема Земли, но именно эти ничтожные доли взаимодействуют с Солнцем таким образом, что оказались возможным человек и человеческое существование, не говоря уже о многом другом, что мы включаем в понятие “природа”» [2. С. 285].

В рассуждениях о почве писатель ссылается на фундаментальный труд профессора В.В. Докучаева «Русский чернозем» (1883)¹. По убеждению С. Залыгина, открытие роли почвы как «первоосновы жизни», совершенное ученым, переворачивает «тысячелетние устои естествознания», преодолевает разобщенность научных представлений о природе и позволяет сформировать ее универсальное видение как сложного динамического единства: «До того в мировой науке бытовало представление о трех мирах, существующих раздельно: животные, растения, минералы. Докучаев замкнул эти три мира четвертым – миром почв. Тем самым было обосновано великое единство всего царства природы» [3. С. 328].

Единство природы в картине мира С. Залыгина подразделяется на несколько сред («природных тел и сфер»). Во-первых, на живую (органическую) природу – «живое вещество». Во-вторых, неживую (неорганическую) природу, в которую включаются твердая геологическая материя (литосфера), поверхностные и подземные воды (гидросфера) (а также атмосфера и солнечная энергия). В-третьих, сферу почв (педосферу). «...Извечно впитывающая, вбирающая в себя и мертвые минералы, и живые организмы...» [3. С. 328], именно почва связывает биосферу и косные геологические среды воедино, регулирует процессы массопереноса (материально-энергетического обмена), тем самым обеспечивая условия воспроизводства и поддержания жизни, эволюции ее форм.

Помимо уровней, доступных эмпирическому познанию (размерность которых соотносима с масштабами человеческого опыта и которые в совокупности могут быть определены как макромир), система представлений С. Залыгина о природе расширяется до масштабов микромира, с одной стороны, и мегамасштабов – с другой. Эти уровни возникают в публицистике еще в

¹ В.В. Докучаев рассматривал почву как самостоятельное природное тело, на генезис которого определяющее влияние оказывают пять факторов: деятельность живых организмов, свойства породы, рельефа, климата, времени развития. Почва описывалась как особая природная мембрана, в которой происходит взаимодействие между оболочками планеты; регулятор процессов массообмена, селективного переноса вещества между различными средами.

1961 г. («Писатель и Сибирь»), когда писатель рассуждает об освоении («покорении») пространства человеком на современном этапе, расширении пределов человеческого существования в ходе научного познания мира.

Микромир – реальность предельно малых объектов, не наблюдаемых непосредственно, – атомов, молекул, молекулярных структур вещества: в частности, писатель говорит о «пространственном построении молекулы», представлении о котором складываются в работах А.А. Бутлерова¹, расширяя научные представления о структуре материи. Мегамир – вземная реальность огромных космических масштабов, сами законы пространственной организации которой кардинально отличаются от земных. Как указывает С. Залыгин, они были установлены теоретически еще в работах Н.И. Лобачевского², а с первыми пилотируемыми космическими полетами (Ю.А. Гагарина и Г.С. Титова) люди приблизились и к их опытному постижению. Микро- и мегамасштабные уровни картины природного мира находятся на периферии рефлексии, в центре которой – макромасштабные формы, явления и процессы земной природы.

Отношения между уровнями организации единого земного пространства (оболочками планеты) имеют системный характер. По С. Залыгину, природа «...комплексна в самом высшем и в самом органическом значении этого слова» [4. С. 305], – осмысливается как живая система (система органического типа), а не как механизм. Писатель аргументирует это, ссылаясь на идеи академика В.И. Вернадского, который «доказал неукоснительно: Земля – это единый живой организм» [3. С. 329].

Естественное состояние природных систем, как сложных комплексов различных факторов окружающей среды, – гомеостаз. Гомеостатическое равновесие природных систем определяет «общий круговорот», циклический закон вечного возвращения (сохранения) вещества, который обосновывает профессор А.И. Воейков, утверждавший, «...что Арал никогда не погибнет и не усохнет, так как он включен в общий круговорот: влага, испарившаяся с его поверхности, попадает на снежные вершины Гиндукуша (“конденсатор”), которые питают реки, впадающие в Аральское море» [5. С. 342].

Различные оболочки планеты в совокупности составляют экосферу, пространство взаимодействия живых организмов, в том числе человека, и среды обитания. Осознание «шаткого равновесия», хрупкости природного баланса (упорядоченности) обращает писателя к осмыслению современной социально-экологической ситуации (и кризиса, заключенного в ней).

С начала 1980-х гг. писатель говорит о «разумности» природы [6. С. 265]. Это качество понимается двойственным образом. Во-первых, природа представлена как субъект разума: он присущ природе как таковой, выступающей либо его носителем, либо вместилищем. При этом представления о некоем высшем разуме природы (бытия) – редуцированы, выражаются неконкретно, как интуитивное допущение (предположение). Это проявляется уже на грамматическом уровне, когда природа обозначается как субъект (действия). Во-

¹ Бутлеров Александр Михайлович (1828–1886), русский химик, создатель теории химического строения органических веществ.

² Лобачевский Николай Иванович (1792–1856), русский математик, создатель неевклидовой геометрии, обозначившей переворот в научных представлениях о природе пространства.

вторых, природа выступает как объект разума. В этом значении разумность природы трактуется в позитивистском ключе, как ее упорядоченность: характеризуясь «порядком» и «строгостью», она оказывается постижимой для человеческого разума, доступной для анализа, отвлечения и синтеза. «Строго логическая система существования мира» [7. С. 8] доступна познанию в виде «законов природы», которые формулируются интеллектом путем обобщения ее устойчивых свойств и отношений.

Познаваемость природы обуславливают несколько обстоятельств. Во-первых, определенность объекта, его материальная конкретность: «...научная цель всегда имеет отчетливые границы, а значит, всегда может быть установлена и сформулирована в виде того или иного, пусть очень существенного, но в конце концов все же более или менее частного закона природы – закона Ньютона, закона Паскаля и, наконец, периодического закона Менделеева» [8. С. 480].

Во-вторых, способность самого человека как субъекта познания к абстрактному мышлению. Например, С. Зальгин размышляет о способах освоения сознанием законов физического пространства. Как отмечает писатель, идеальные геометрические формы, отсутствующие в природе, вырабатываются в умозрении как отвлеченные представления о пространственных структурах мира, их образцы. Благодаря этому становится возможным постижение пространства, его измерение: «Как в природе: редко-редко мы встретим в ней, в очертаниях ее предметов и картин геометрическую фигуру – треугольник, четырехугольник, квадрат, разве только в микромире кристаллов, а между тем именно эти фигуры, как мне кажется, надежнее всего другого вживаются в мою память, в мои представления об очертаниях окружающего мира. Именно они являются для меня исходными элементами всякого пространства и пространственности» [8. С. 470].

В-третьих, познаваемость природы обеспечивает позиция человека (субъекта мышления и познания) *in vivo*, его изначальная соприродность, генетическая включенность в природный процесс: «...природа – это не только место действия, но и явление, это процесс, в котором мы участвуем» [9. С. 163].

Главный закон природы – «закон существования» [6. С. 255]. Это всеобщий закон, характеризующий природное бытие в целом, в отличие от «частных» законов, реконструируемых человеческим интеллектом путем расчленения целого природы на отдельные области познания. Несмотря на то, что и универсальный закон мироздания, и конкретные законы науки образуют в картине мира С. Зальгина единую типологическую систему, находясь в иерархических отношениях («частные» законы восходят к всеобщему), категория «закон» применительно к процессу существования наделяется более широким смыслом. Оно фиксирует не только объективный порядок, которому подчиняются все природные явления, но также несет значение должностования – нормативные предписания и установления, регулирующие отношения природы.

Так, в размышлениях 1980 г. о природе как пространстве витальных процессов (существования всего живого) природа трактуется как «некая праведность, без исполнения которой не может быть жизни, в том числе и жизни человеческой...» [6. С. 266]. Природа воплощает онтологический порядок, в

котором для всего сущего предусмотрено свое исключительное место, а всему живому (включая человека) предписаны строгие правила поведения, соблюдение которых в силу всеобщей взаимосвязанности выступает условием общего существования.

Таким образом, формируется идея онтологического детерминизма, согласно которой порядок заложен в природе априорно (объективно), а не постулируется человеческим интеллектом (как методологический принцип познания). Все формы детерминации, выраженные в «частных» законах природы, сводятся к одному, высшему закону, выступая как его частные проявления. Детерминизм природы в мировоззрении писателя приобретает универсальный характер, фиксируя жесткую предзаданность существования всех природных феноменов. Это объясняет императивные коннотации понятия «закон», используемого для обозначения высшей обусловленности природного бытия.

Субъект предписания, источник всеобщей причины при этом пока остается неясным – либо им выступает сама природа как космос (порядок), либо некое трансцендентное начало мира. Происхождение высшего закона уточняется к началу 1990-х гг.: «...природа есть не только причина, но и закон, а всякое существование всегда подзаконно. <...> Если нарушен закон существования, значит, и существования не будет» [10. С. 8]. Будучи «причиной» – источником и основой всякого существования, природа сама устанавливает собственные «законы» – правила, регулирующие отношения, связи между явлениями, что служит поддержанию порядка существования, его воспроизводству и стабильности.

Представления С. Залыгина о природе складываются окончательно во второй половине 1980-х – 1990-е гг., приобретая вид строгой натурфилософской системы. В поздней публицистике писатель, во-первых, постулирует фундаментальные законы, объясняющие не только устройство природы, но и процессы ее становления, изменения и развития. Во-вторых, преодолевает однозначность представления о предзаданности природного бытия, вводя категорию случайности при осмыслении генезиса земной природы. В-третьих, впервые прямо ставится вопрос о предельных (абсолютных) основаниях бытия, благодаря чему снимается противоречие во взглядах на субъект (источник) разумного начала, заложенного в природном порядке (первопричина всеобщего существования): от позитивистского и материалистического понимания природы С. Залыгин приходит к ее объективно-идеалистической трактовке.

Устройство природы, формы и способы ее бытия, концептуально осмысляемые в публицистике этого периода, подчиняются закону гармонии, которая определяется не только как способ существования, но и как его условие: «Природа гармонична, это бесспорно. Благодаря своей гармоничности она и существует» [11. С. 12].

Закон гармонии описывает, во-первых, внутренние свойства отдельных природных феноменов; во-вторых, отношения между ними. Еще в середине 1980-х гг. С. Залыгин говорил о том, что каждое природное явление воплощает баланс, согласованность между формой и содержанием – характеризуется завершенностью, цельностью и стабильностью (в отличие от человека –

нецельного, незавершенного, нестабильного): «В окружающей нас природе <...> каждый предмет – это гармония между содержанием и формой его воплощения, содержание дерева, или травинки, или животного полностью воплощено в его форме, разве только многовековая эволюция и приспособляемость может оказывать влияние на формы и отдельные органы этих существ...» [9. С. 165].

В аспекте внутренних отношений системы природы гармония проявляется в согласованности, соразмерности ее элементов (тел и сфер, отдельных объектов и живых видов), обеспечивает подвижное равновесие между ними в пределах допустимой нормы. Существование каждого элемента соотносится с существованием другого, которое, в свою очередь, выступает его мерой. Согласие между ними достигается путем взаимных ограничений, когда все неуместное, не способствующее или препятствующее общему существованию (нарушающее меру), исключается: «...гармоничность – это <...> искусство ограничений, искусство отбрасывать все лишнее, все, что не впопад, все, что препятствует или будет препятствовать продолжению жизни на земле» [11. С. 12]. Этот – экологический – механизм для писателя иллюстрирует в первую очередь взаимодействие живых видов, которое развивается как симбиотическое, тесное и продолжительное сосуществование на основе взаимoadaptации: «...жизнь – самый сложный в мире симбиоз» [10. С. 9].

Процессы изменений и развития природы как гармонии подчинены закону эволюции: «...природа от начала до конца эволюционна, на том она и стоит...» [10. С. 4]. В концепции писателя, эволюционное развитие, охватывая не только «живое вещество», но и объекты косной среды – геосферу в целом, осуществляется как «естественное усовершенствование». Логика эволюции (ее направление и последовательность) определяется самим порядком вещей и, в свою очередь, служит поддержанию этого порядка – достижению «надежного равновесия» [12. С. 214].

Поскольку каждый из природных феноменов внутренне гармоничен, как гармоничны и отношения между ними, на любом из этапов своей эволюции он предстает как завершенный (целостный и стабильный). При этом каждый этап развития является, с одной стороны, следствием, результирующим всех предшествующих, с другой – исходной точкой всего последующего развития (становления), процесс которого – бесконечный, незавершенный. Так, конкретные природные объекты (и их системы), определенные, устойчивые в своей форме в данный момент времени, рассматриваются как результат длительного становления: «...берега естественных водоемов – озер и морей – формировались тысячелетиями, прежде чем обрели свои очертания» [5. С. 340].

Эволюционный тренд процессов становления и развития природы обуславливает ее «предсказуемость» и «ясность» – прогнозируемость для человеческого разума: «Как часто приходится слышать о том, что мир непредсказуем и неясен. Отнюдь: мир ясен как стеклышко, неясны в нем только, и только, мы сами» [10. С. 7]. В публицистике 1990-х гг. достраивается понимание факторов познаваемости природы. Писатель отрицает индетерминистские подходы к ее осмыслению, но устанавливает индетерминизм челове-

ского (социального) существования, которое развивается революционным путем, стихийно, а потому предстает как неясное, недоступное для прогноза.

Процессы становления природы, ее эволюционного развития осуществляются как постоянный переход возможного (потенциального) в действительное (актуальное). Заложенные в природе возможности детерминированы существующим порядком, который предшествует любому становлению и развитию как совокупность необходимых условий. Фактор случайности пока исключается, возможность отождествляется с закономерностью. По С. Залыгину, все, что есть в природе, существует уже потому, что возможно, поэтому не случайно, необходимо, предусмотрено: «Нечто может быть потому, что может быть...» [13. С. 107]. Это позволяет трактовать природу как «идеальный механизм самореализации», поскольку «...в ней нет неиспользованных возможностей и есть все, что только в ее условиях может быть (и нет ничего, чего быть не может)» [13. С. 106].

И закон гармонии, и закон эволюции – детерминистские, развивают концепцию, сложившуюся в публицистике С. Залыгина еще в 1980 г. («Литература и природа»). Одновременно с этим, по мере того как к середине 1990-х гг. складываются космогонические представления писателя, изначально жесткий, однозначный детерминизм в понимании природы частично преодолевается. Ключевой вехой здесь становится итоговый автобиографический очерк «Моя демократия» (1996), в котором С. Залыгин обосновывает гипотезу естественного и спонтанного генезиса природы, в том числе абиогенеза – самозарождения ее живых форм.

Рассуждая о генезисе земной природы, писатель устанавливает определяющую роль в этих процессах фактора случайности. По утверждению С. Залыгина, жизнь в ее уникальных формах возникает на планете (как возникают и сама Земля, и сама Вселенная) в ходе случайного стечения обстоятельств: «Если бы Земля была меньше или больше по весу, чем она есть, на одну десятую, у нее была бы уже другая орбита, а значит, и другой климат, и другая атмосфера, а у живых существ, если бы они все-таки возникли, был бы другой состав крови, другой образ существования, другое мышление. <...> Все иначе могло быть на Земле...» [14. С. 154].

Уникальная комбинация условий, сложившаяся произвольным образом, реализует многообразные формы обусловленности, которые в иных сочетаниях содержат потенциал бесконечного спектра направлений (сценариев) развития. Случай делает возможным «компромисс между бытием и небытием» – диалектическое единство противоположностей, бытия и его отрицания, наличия и отсутствия. Это составляет исходный момент зарождения природы, предопределяя гармонию как принцип ее устройства: «...вся природа построена на однажды найденном компромиссе между бытием и небытием, вся она – компромисс между всем и вся, что в ней существует» [14. С. 155].

В 1991 г. в поле рефлексии впервые включается область трансцендентного. Писатель вплотную приближается к иному, чем сложившееся к этому времени, пониманию движущих сил мироздания (разумного порядка природы): «Когда-то я думал, глядя в природу, в ее пейзажи: вот я умру, а эта река, эти горы, эти луга и небеса, эти леса останутся после меня. Они ведь не что иное, как воплощение вечности на земле» [11. С. 10]. Категорией

«Вечность» обозначается трансцендентное начало мира, бесконечное и неизменное, воплощенное в природе, но не свойственное ей имманентно.

Факт существования вечности писатель определяет, во-первых, как объективный; а во-вторых, как вполне очевидный, вне зависимости от форм его концептуализации в культуре (религия, искусство, наука): «Теологи обозначают Вечность <...> словом “Бог”, атеист же этого обозначения не принимает, и только, но любая цивилизация, которая пыталась или будет пытаться осмыслить Вечность, ничего принципиально нового в это понятие не внесет. Главное открытие уже сделано: время и пространство Вечности бесконечны, и можно исследовать Вечность сколько угодно, принципиальных открытий все равно не будет...» [11. С. 17].

Вечность, воплощенная в пространстве и времени бытия, не доступна человеческому опыту непосредственно, как таковая, и открывается только через посредство природы: «...Земля, земная природа – вот единственный связист и посредник между нами, людьми, и Вечностью...» [11. С. 17]. «Приобщение» к Вечности, ее «чувствование» трактуется писателем как «...смысл нашего существования, его причина и назначение, его энергия. (А любая энергия неизменно приобщена к своему источнику)» [11. С. 17]. Вечность аккумулирует в себе потенциал всякого существования. Являясь его источником, она сама осуществляется в действительности путем взаимопревращения потенциальной энергии (существования) в энергию движения – как материального мира природы, так и духовного мира человека.

Человек при этом понимается не как изолированная система, он черпает энергию своего существования из общего источника. Вечность, с которой человек связан таким образом, составляет основание («причину») человеческого бытия, определяет его цель («назначение») – устанавливает место человека (человечества) в реальности. Таким образом, именно в Вечности, трансцендентном начале мира, опосредованном миром природы, а не в самой природе теперь прослеживается происхождение разумного начала природы человека.

Категория «разум» для обозначения первопричины бытия впервые используется в 1996 г.: «...налицо система природы, если же есть система природы – значит, есть и цель этой системы; если есть и система, и цель – значит, за этим стоит разум, и не только тот, который мы способны постичь, хотя бы и через понятие Бога, но и тот, который вне любого нашего разумения. Быть может, над разумом природы стоит еще некий разум, а над тем – еще и еще разумы, и они бесконечны так же, как бесконечна не только Вселенная, но и Вселенные» [14. С. 154].

Позицию писателя характеризует агностицизм, он отрицает всякую возможность познания абсолютного бытия, и может только предполагать его наличие («быть может»). При этом С. Залыгин так и не приходит, как, например, В. Астафьев и В. Распутин, к идее Бога (божественного сверхразума). Писатель видит в нем лишь символический (мифологический) образ, возникающий в истории культуры в ходе антропоморфного по типу мировосприятия и тем самым недостаточный для познания абсолютного начала мира в его подлинности.

Признание наличия высшего разума, стоящего над бытием и составляющего его первопричину, означает отказ от представления о природе как самоорганизующейся системе (обладающей собственным разумом). Идея абсолютного разума согласует представления о детерминизме и казуальности бытия, снимает противоречие между ними. Случайное совпадение ряда независимых причинных процессов в точке времени и пространства, обусловившее абиогенез, оказывается неслучайным, обусловленным. Самозарождение, становление и эволюционное развитие природного мира по принципам гармонии предопределяет абсолютный разум, а сам этот процесс, трактуемый погегелевски, осуществляется как его самодвижение (саморазвитие).

Объективно-идеалистическое представление о причинности бытия при этом усложняется. Писатель выражает близкие к буддистским представления о бесконечной цепи причинностей (когда над каждым разумом надстоит другой разум, выступающий для него как причина, и так – бесконечное число раз) и, соответственно, о бесконечной множественности миров (в которой Земля выступает одним из, уникальным, но далеко не единственным в своем роде миром).

Абстрактно-теоретический подход к осмыслению природы в статьях и эссе С. Залыгина не исключает и выражения опыта ее непосредственного, чувственно-эмоционального восприятия, когда представления складываются не рациональным путем, а интуитивно. Если в первом случае в поле зрения писателя оказываются природа вообще, ее устройство и универсальные законы, осмысляемые на категориальном уровне, то во втором случае, – неповторимые (феноменальные) проявления (как правило, природы Сибири). Предметом рефлексии при этом выступают индивидуальные впечатления, «чувства и ощущения», вызванные различными состояниями природы, явлениями или процессами, разворачивающимися в пределах локальных природных пространств.

Впечатления от природы (Сибири) характеризуются, во-первых, как невыразимые: «Я езжу по Сибири около сорока лет, вижу эту страну, кажется, чувствую, ощущаю ее и во времени, а все никак не найду слов и понятий, чтобы эти чувства и ощущения выразить» [2. С. 272]. Во-вторых, как неповторимые – так же, как неповторим их объект: «Пространство, беспредельность вызывают в нас особые, неповторимые чувства и ощущения. Это и какая-то созерцательность, и ощущение величия окружающего мира и гордости за этот мир, а более всего – чувство удивления» [2. С. 272].

Понятие «созерцательность», употребленное в неопределенном значении («какая-то»), как и другие – «ощущения», «гордость», «удивление», – ключевые, выражают опыт непосредственного (не опосредованного рассудком) отношения к природе, которая предстает сознанию как дорефлексивная целостность. Априорные формы такого способа освоения реальности сознанием, обеспечивающие единство образа природы в восприятии (целостность впечатления), – пространство и время.

В восприятии пространства сибирского Севера писатель переживает его физические характеристики – простор, безграничность, открывающие подлинные масштабы земного пространства в целом: «Позже я видел Сахару, Нубийскую пустыню, не раз видел “океан тайги под крылом самолета”, мно-

гие моря – ничто не дало мне такого сильного впечатления простора земли, ее пространства, как тундра...» [15. С. 6]. В ощущении циклического времени природы ему открывается континуальность природного бытия, состояния которого, непрерывно сменяя друг друга, никогда не повторяются (вызывая то самое чувство удивления, о котором писатель говорил в 1961 г.). Например, оптические эффекты северных закатов: «Летний закат на Севере – это явление света во всех его возможных окрасках и оттенках, и оно продолжается пять-шесть часов... Потом солнце касается горизонта и тотчас же над горизонтом всплывает – начинается утро. Все это – каждые летние сутки совершенно заново, и даже в течение миллиардов лет существования Земли, наверное, не случилось двух одинаковых северных закатов» [15. С. 6–7].

Теоретическое мышление не противопоставлено индивидуальному опыту непосредственного восприятия природных феноменов. С одной стороны, оно следует за ним, анализируя и классифицируя объект (восприятия). С другой стороны, в ходе созерцания формируется наглядное представление о природе, которое наполняет реальным смыслом абстрактные представления, рассудочные категории, усваиваемые в процессе образования. Так, в эссе 1969 г. «Интервью у самого себя» С. Залыгин вспоминает случай, произошедший с ним во время производственной практики в техникуме. Сцена дождя, пролившегося на колхозное поле, открывает подлинное значение понятия земли (почвы) – как пространства становления и обновления жизни (обуславливая сильное желание молодого человека стать агрономом, способствовать живородящему началу земли): «День этот был июньский, с дождем, после продолжительной засухи, дождь был очень сильный, он застал меня одного среди огромного поля овса. На моих глазах овсы снова воспряли к жизни. Это <...> произвело на меня то самое впечатление, которого я так долго ждал» [15. С. 4].

Личный опыт чувственно-эмоционального восприятия природы позволяет С. Залыгину судить о формах ее влияния на индивидуального человека, а теоретические представления – о способах и границах человеческого познания.

В аспекте отношений природы и индивидуального человека природа осмысливается не только как часть объективной реальности его существования, но и как уровень реальности существующего (Э. Левинас), феноменологической реальности сознания. Поэтому отношение к природе, будучи неотъемлемой частью целого отношения к реальности, содержанием внутреннего опыта человека, выступает, с точки зрения писателя, одним из факторов формирования его личности и характера, а также «нравственной сущности»: «Отношение <...> человека к окружающей природе – это уже и сам человек, это его характер, его душа и философия» [16. С. 125]. В этом качестве отношение к природе влияет и на все остальные отношения человека, в том числе его социальные отношения: «Мне всегда казалось, что отношение человека к природе сказывается и на отношении этого человека к другим людям, к обществу» [15. С. 13].

Процесс познания природы описывается как двунаправленный (амбивалентный). Познание природы человеком одновременно является и самопознанием, а познание себя, своего места в мире (как природного, социального и индивидуального существа) – познанием природы: «Познавая природу, человек познает

себя. И наоборот» [15. С. 13], – соотносится с природой как микрокосм с макрокосмом, выступает подобием Вселенной, отражая ее в себе.

Кроме того, природа выступает и условием самопознания, поскольку соотносится с социальным (реальностью повседневного существования) как вечное с преходящим: «Вообще на природе человек гораздо больше и глубже размышляет о себе, о человечестве, чем в повседневных заботах и тревогах» [15. С. 14].

В рамках рефлексии социально-экологических отношений природа определяется, во-первых, как внешняя среда существования человечества, совокупность условий его жизнедеятельности, а во-вторых, как источник ресурсов (почвенных, водных, лесных и минеральных), в которых человек нуждается как биологическое существо. «Величайшая природная ценность» определяется не этически, а практически.

Взгляды С. Залыгина на природу в этом аспекте изначально противоречивы. Здесь писатель говорит о несовершенстве устройства природы – случайности сочетания элементов в пределах разных ландшафтов, что предполагает преобразование.

В 1950-е гг. С. Залыгин выражает мысль о необходимости создания новой науки – «архитектуры природы», которая, учитывая «бытовые нужды людей» и их «эстетические потребности», должна создать «ансамбль из воды, полей, гор, лесов, подобно тому, как создает ансамбль города архитектор», «осуществить принцип, высказанный еще В.В. Докучаевым о выработке для разных природных зон правильного соотношения между водой, сушей и лесом» [17. С. 32].

Технократические идеи овладения материальным миром, его радикального преобразования, связаны с утопизмом мышления писателя и преодолеваются в ходе формирования представлений о природе как разумном порядке (космосе), в котором предусмотрено место человеку, следовательно, предусмотрено не только использование им ресурсов природы для обеспечения своего существования, но и участие в органических процессах.

Тысячелетняя технология возделывания земли способствует ее собственным витальным процессам. Данную цель, по С. Залыгину, преследует и преобразование – «коренное улучшение земель», сельскохозяйственная гидро-мелиорация: «Что делает мелиоратор-гидротехник? В конечном счете только то, чего не сделала в каком-то месте природа, – создает водосток для подачи воды или для отвода ее» [4. С. 291]. В качестве примера приводится деятельность И.И. Жилинского¹, который «...помогал природе там, где она не справлялась с “делом”, поддержания плодородия почв сама» [3. С. 333].

В свою очередь, условия природы либо способствуют, либо препятствуют в этом человеку: «...они проявляются во всем вокруг – в качестве почв и грунтов, в количестве и распределении естественных осадков, в характере растительности – природной и культурной, в свойствах ближайшего источника водного питания или водоприемника» [4. С. 291]. Сам порядок («оче-

¹ Жилинский Иосиф Ипполитович (1834–1916), русский геодезист, генерал от инфантерии, руководитель работ по осушению болот в припятском Полесье, подмосковном Мещерском, на Барабинской низменности.

редность») использования ресурсов, «последовательность» культурного освоения («преобразования») природы predeterminedены ею самой, а не избираются человеком по своему усмотрению, волюнтаристски. Соответственно, социально-экологический кризис современности, о котором писатель размышляет с начала 1960-х гг., детерминирован нарушением этого порядка человеком, преступлением предписанной ему нормы, а не самой его преобразовательской деятельностью.

Философское осмысление природы в публицистике С. Залыгина служит поиску путей преодоления кризиса отношений социума и природы, определению подлинного места человека и человечества в бытии и допустимых границ его жизнедеятельности (а также выяснению и уточнению возможностей художественной литературы в этом процессе). Писатель оперирует научными понятиями, выстраивая идеализированную, абстрактно-теоретическую модель природного бытия, которая включает представления о структуре и отношениях природы, разумности и познаваемости ее устройства, устанавливает соотношение детерминизма и казуальности природных процессов, раскрывает фундаментальные законы гармонии и эволюции системы природы. Воззрения писателя основываются на идее о взаимосвязи живого вещества со всеми структурами планеты. Пространство их сопряжения – почва. С. Залыгин прямо соотносит свои представления с учением В.И. Вернадского, через которого приобщается к традиции русского космизма с его идеей внутреннего единства человека и космоса.

Литература

1. Каминский П.П. Поэтика очерка в раннем творчестве Сергея Залыгина // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2012. № 3 (19). С. 111–121.
2. Залыгин С. Писатель и Сибирь // Залыгин С.П. Критика, публицистика. М., 1987. С. 269–290.
3. Залыгин С. Почва, на которой стоим [Беседа с корреспондентом «Комсомольской правды» В. Ганичевым] // Залыгин С.П. Критика, публицистика. М., 1987. С. 327–338.
4. Залыгин С. Вода и земля Земли // Залыгин С.П. Критика, публицистика. М., 1987. С. 291–305.
5. Залыгин С. Вода подвижная, вода неподвижная // Залыгин С.П. Критика, публицистика. М., 1987. С. 339–343.
6. Залыгин С. Литература и природа [1980] // Залыгин С.П. Критика, публицистика. М., 1987. С. 253–268.
7. Залыгин С. Поворот. Уроки одной дискуссии // Новый мир. 1987. № 1. С. 3–18.
8. Залыгин С. Читая Гоголя. (Размышления и заметки) // Залыгин С.П. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6: Рассказы 1981–1989; Литературно-критические статьи. М., 1991. С. 460–484.
9. Залыгин С. Разумный союз с природой // Залыгин С.П. Позитив. М., 1988. С. 151–166.
10. Залыгин С. Экология и культура // Новый мир. 1992. № 9. С. 3–12.
11. Залыгин С. Литература и природа [1991] // Новый мир. 1991. № 1. С. 10–17.
12. Залыгин С. Откровения от нашего имени // Новый мир. 1992. № 10. С. 214–216.
13. Залыгин С. «Экологический консерватизм»: шанс для выживания // Новый мир. 1994. № 11. С. 106–111.
14. Залыгин С. Моя демократия // Новый мир. 1996. № 12. С. 130–169.
15. Залыгин С. Интервью у самого себя // Залыгин С.П. Критика, публицистика. М., 1987. С. 3–15.
16. Залыгин С. Свое слово: О повестях Виктора Астафьева // Залыгин С.П. В пределах искусства: Размышления и факты. М., 1988. С. 120–126.
17. Залыгин С. Работая над очерком... // Залыгин С. О ненаписанных рассказах: Литературно-критические статьи. Новосибирск, 1961. С. 19–34.